DOI: 10.15372/HSS20210302
УДК 821.161'01–311.8"14"

Т.В. ПАНИЧ

«ТЕТРАДИ» ПЕТРА АРТЕМЬЕВА: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

В статье анализируется текст так называемых «Тетрадей», написанных одним из представителей русской литературной культуры второй половины XVII в. – Петром Артемьевым. На сегодняшний день произведение известно по выпискам, сохранившимся в структуре полемического сочинения Евфимия Чудовского – «Выпись тетрадей...». В качестве материала исследования привлечен список данного сочинения, содержащийся в рукописи БАН, П.1.В.11 (34.3.13). В статье представлена история текста «Тетрадей». На основе анализа уцелевших фрагментов сочинения выявлены сведения, касающиеся описанного Петром Артемьевым отрезка его жизни (путешествие и пребывание за рубежом). Полученные в результате исследования данные дополняют наши знания о биографии Петра Артемьева, обстоятельствах его перехода в католичество, ценностных установках писателя, которые питали его литературное творчество.

Ключевые слова: Петр Артемьев, сочинение «Тетради», биографические сведения, Евфимий Чудовский, «Выпись тетрадей...».

T.V. PANICH

«NOTEBOOKS» BY PETER ARTEMYEV: TOUCHES TO THE BIOGRAPHY OF THE WRITER

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Studying the issues related to Peter Artemyev's biography, a writer and poet, representative of the Russian literary culture of the second half of the XVII century, is important for a deeper understanding of his work. A valuable source containing information about the writer's life and literary activity is his essay «Notebooks». It was written by Artemyev during his stay in Novospassky monastery, where he was placed after promoting the Catholic Church teachings. The «Notebooks» are known today from extracts preserved in the structure of the polemical work by Euthymius Chudovsky «Writings out of Notebooks...». The article uses the list of this work contained in a manuscript of the Library of the Academy of Sciences, P.I.V.11 (34.3.13), as research materials. The task to study «Notebooks» surviving fragments was to search for additional facts and information concerning the personality of Peter Artemyev, his views and biography, which determined the features of his work. The article presents in brief the history of «Notebooks» text, as well as an attempt to determine its genre features: the essay is a complex text in terms of its composition. Obviously, it included travel and diary notes, elements of the biographical and memoir genres. «Notebooks» reflect the theme of the author's spiritual search and confessional choice. Having changed his religion during his studies with the Jesuits, Artemyev openly expressed his new views and beliefs in his «Notebooks», despite the threat of church court proceedings. The writer's fragmentary confessions testify to his attitude to the Old Believers, their punishment practice, which was characterized by cruelty, and he condemned it. A new reading of the surviving quotations from «Notebooks» allowed clarifying and expanding the range of information concerning a small, but important period of his life described by Peter Artemyev (an educational trip to Europe and return to Moscow). The obtained data supplement our knowledge about the biography of Peter Artemyev, circumstances of his conversion to Catholicism, and the writer's value attitudes.

Key words: Pyotr Artemyev, «Notebooks», biographical information, Euthymius Chudovsky, «Writings out of Notebooks».

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к творчеству писателей, оставивших сколько-нибудь заметный след в литературе, неизменно пробуждает интерес исследователя к их био-

графии, персональной истории авторов, их культурным и религиозно-идеологическим представлениям, диктует необходимость их изучения. Исследование вопросов, касающихся жизни того или иного писате-

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: tvpanich@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6223-7615>.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Institute of History SB RAS.

ля, чрезвычайно важно для понимания всех аспектов его творчества, его места и роли в культурно-историческом контексте своего времени. Л.П. Репина, размышляя о значении персонализированного подхода в научных исследованиях, пишет: «Персонализированный, или биографический, подход является традиционно приоритетным в истории мысли и науки, не говоря уже об истории художественного творчества, поскольку не подлежит сомнению выдающаяся роль личностного начала в этих областях человеческой активности» [1, с. 349–350].

В полной мере такой подход может быть использован и в отношении персональной истории одного из представителей русской духовной культуры второй половины XVII в. – писателя и поэта Петра Артемьева. Он был родом из г. Суздаля из семьи священника, служил диаконом Петропавловской церкви в Новомещанской слободе Москвы и входил в московскую «литературную общину», где, по наблюдению А.М. Панченко, «выработался особый писательский тип» [2, с. 116], вобравший в себя характерные черты литературной школы, созданной одним из ярких поэтов и проводников западноевропейской учености и литературной культуры (в частности, культуры барокко) – Симеоном Полоцким (см. напр.: [3, с. 42–48]).

По меркам своего времени биография Петра Артемьева отличается неординарностью. Некоторые сведения о его жизни и литературном творчестве содержат комплекс материалов, подготовленных для церковного суда над ним, подоплекой чего явилось его уклонение в «латинство». В разном объеме своей полноты они сохранились в рукописях конца XVII – начала XIX в.¹ Среди материалов (подавляющая их часть является критическими и обвинительными текстами в адрес Артемьева) представлены и его собственные сочинения, в основном фрагментарно. Согласно данным, рассеянным в текстах (документальных и нарративных) указанного комплекса, Петр Артемьев прошел обучение в Славяно-греко-латинской академии, в 1688 г. отправился с Иоанникием Лихудом в Европу с целью получить «совершенные знания» в западных учебных заведениях. Право обучения в Европе требовало отречения от православия и перехода в унию, поэтому Артемьев принял это условие, а со временем, общаясь с иезуитами, стал убежденным католиком. После возвращения в Москву (в 1691 г.) он первое время скрывал свои новые религиозные взгляды, но постепенно начал открыто говорить о преимуществах учения и церковных обрядов католиков не только в устных беседах с близкими, но

и в проповедях в храме (в этот период он служил диаконом в Петропавловской церкви в Новомещанской слободе). В мае 1698 г. Артемьев в качестве наказания за пропаганду католицизма был отправлен в Новоспасский монастырь. 13 июня того же года состоялся собор, осудивший Артемьева. Петр был расстрижен и отправлен в Холмогоры под надзор архиепископа Афанасия, который после тщетных попыток добиться раскаяния и возвращения Петра в лоно православной Церкви, 11 сентября 1698 г. отправил его в Соловецкий монастырь с наказом держать непокорного «еретика» «в твердом юзилище». В заточении Артемьев оставался до своей кончины. Как ранее нам удалось установить на основе «отписки» холмогорского владыки, адресованной патриарху Адриану, он умер 21 января 1700 г. [5, с. 40–43]².

«ТЕТРАДИ» ПЕТРА АРТЕМЬЕВА: ИСТОРИЯ ТЕКСТА

Среди источников, содержащих сведения о жизненном пути и литературном творчестве Петра Артемьева, большой научный интерес представляют его «Тетради». Сочинение было написано Петром во время пребывания в Новоспасском монастыре и адресовано патриарху Адриану. «Тетради» стали ответом на требование духовных властей подготовить покаянное исповедание («написать своеручно исповедание с покаянием»). К сожалению, до сих пор неизвестно, сохранился ли подлинный текст сочинения или полный его список, по крайней мере пока ни тот, ни другой не обнаружены. По предположению М. Никольского, «Тетради» «были сожжены на соборе», осудившем Артемьева [9, с. 262]. Однако этой гипотезе ученого противоречит текст указанной выше «отписки» холмогорского архиепископа, который дважды упоминал в ней некое сочинение, присланное к нему в Холмогоры вместе с «роздиаконом» Петром Артемьевым, которое он называет то «тетрадиями», то «писанием» [5, с. 42]. Судя по всему, речь шла о «Тетрадах» вольнодумца, отправленных холмогорскому архиерею для ознакомления с его взглядами и затем возвращенных патриарху. Таким образом, можно надеяться на то, что сочинение не было уничтожено на соборе, как полагал М. Никольский, и могло отложиться в каком-то архиве.

В настоящее время текст «Тетрадей» доступен лишь в извлечениях, сохранившихся в составе полемического сочинения, написанного одним из непримиримых идейных противников Петра Артемьева – иноком Чудова монастыря Евфимием. Текст Евфимия дошел в двух списках: в черновом сборнике конца XVII в.: ГИМ, Синод. собр., № 393 (л. 39–66) и руко-

¹ Текстологический анализ выявленных списков подборки см.: [4, с. 30–53]. Помимо сочинений, связанных с Петром Артемьевым, в этой подборке содержатся также тексты, направленные против другого «вероотступника» – Григория Скибинского.

² Библиографию изучения жизни и творчества Петра Артемьева см.: [6, с. 32–34; 7, с. 467–468; 8, с. 766–767].

писи начала XVIII в.: БАН, П.І.В.11 (34.3.13) (л. 55–71 об.). Последняя из названных рукописей представляет собой новую редакцию материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского. Она была подготовлена в самом начале XVIII в., возможно, самим Евфимием Чудовским с помощью его единомышленников [4, с. 44]. На эту рукопись мы и будем опираться в настоящей статье при анализе «Тетрадей» Петра Артемьева, используя весь комплекс уцелевших фрагментов сочинения. Задачей их изучения является поиск дополнительных сведений, касающихся личности Петра Артемьева, его биографии и воззрений, определивших особенности его литературной деятельности.

Текст, в котором зафиксированы фрагменты сочинения Петра Артемьева, имеет следующее название: «Выписи тетрадей, которые предложил великому господину, святейшему кир Адриану, архиепископу Московскому и всеа России и всех северных стран патриарху, диакон Петр Артемиев, своею рукою писаныя, а в них 89 страниц, из них же кратко выписаны гордости его на восточную Церковь и клеветы на защитников тоя, и отпадение от восточныя Церкви и соединение твердое с западною»³ (далее – «Выписи тетрадей...»).

Приведенное название показывает, что сочинение Петра Артемьева было довольно большого размера (составляло 89 с.) и что автор «Выписи тетрадей...» использовал оригинальный текст «Тетрадей», автограф писателя. Евфимий цитировал страницы, как он сам отмечал, написанные рукою Артемьева («своею рукою писаныя»). «Выписи тетрадей...» была подготовлена для церковного собора, осудившего «клеветы» «диакона» на православную Церковь. Очевидно, такая выборка текста из сочинения Петра Артемьева была сделана для удобства его чтения на соборе.

Из 89 страниц «Тетрадей» автор «Выписи тетрадей...» выбрал для цитирования только 42 страницы, начиная с первой и заканчивая последней, в каждом случае обозначая ее номер. Как показывает анализ сочинения, Евфимий проявлял интерес лишь к тем страницам, где содержались такие высказывания и суждения диакона, которые противоречили догматам и каноническим установкам православной Церкви. Таким образом, мы располагаем лишь фрагментами сочинения Артемьева и только предположительно, на основе контекста, критических реплик и комментариев Евфимия Чудовского можем судить о содержании утраченного текста. При рассмотрении уцелевших его частей следует учитывать возможное их искажение, возникшее в результате удаления из контек-

ста, неточного цитирования, сокращения и невольных ошибок интерпретатора и критика «Тетрадей».

«ТЕТРАДИ»: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

По своей структуре «Выпись тетрадей...» отчасти напоминает форму своеобразного диалога, где один из оппонентов (Петр Артемьев) представлен краткими высказываниями, отдельными фразами из его сочинения. Последовательно приводимые цитаты из «Тетрадей» сопровождаются критическим мнением автора «Выписи тетрадей...» о их содержании, иногда в лапидарной форме, чаще – в пространной. Содержание каждой выписки из сочинения Петра Артемьева подвергается резкому осуждению. Так, уже обращение Артемьева к патриарху Адриану вызвало отповедь Евфимия Чудовского, поскольку Петр сократил патриарший титул. В этом Евфимий усмотрел намеренно выраженное пренебрежение диакона к главе православной Церкви и в противоположность этому – почтительное отношение к римскому папе: «На 1 странице пишет: “По указу твоему, великаго моего государя, святейшаго кир Адриана, архиепископа Московскаго, всеа и проч.” Зде будто ради поспешения оставил титул патриаршеское и рек “и прочая”, а ниже не обленился папу нареци “наместника Петрова и отца отцем всея вселенныя”» (л. 55). Евфимий Чудовский возвращается к теме титулатуры, анализируя записанное на с. 32 «Тетрадей» воспоминание Артемьева о его разговорах с неким униатом. Петр писал: «Содружился со мною униат, разглаголаше со мною о порядках папина величества и о всяком благочестии его». Евфимий с укором комментирует эту фразу: «Зде не обленился папе величество дати и всякое благочестие приложити, а на 1 странице и единожды обленися святейшему патриарху совершенное титул отдати» (л. 56–56 об.).

Иногда вместо цитат отдельные фрагменты текста Артемьева представлены в пересказе, их содержание тоже подвергается критическому разбору. Примером может служить текст, в котором Евфимий обвиняет Артемьева в «злонравном» нарушении чина литургии, предрекая ему судьбу павшего ангела Денницы (Люцифера): «На 83 странице изъясняет о поучении своем, яко тое взяв слова силу из святаго Евангелия в тот час после Евангелия... глаголет. И в сие время никогда нигде не слышано есть, чтобы кто читал, разделив божественную литургию, поучение. И сие он не поучение учинил, но безчиние велие и знак злонравия своего и непостоянства показал, понеже и отпадшая Денница глаголаше равна быти Создавшему, но опровержеся с высоты до пропастей адских» (л. 67 об. – 68).

В «Выписи тетрадей...» сохранились отрывки из сочинения Артемьева, в которых он предстает как

³ Библиотека Академии наук (БАН, П.І.В.11 (34.3.13). Л. 55. Далее ссылки на листы рукописи приводятся после цитат в круглых скобках.

смелый обличитель представителей патриаршей Церкви. Он обвиняет их в жестоком обращении с инакомыслящими: «В Константиновке бо при дыбе предстоит тамо учителя немые, вместо Евангелия огнем и вместо Апостола кнутом просвещающе. О, коль бесполезно их учителство!» (л. 59). Один из фрагментов «Тетрадей» Артемьева позволяет узнать о его отношении к старообрядцам («капитонам»). Очевидно, что, с его точки зрения, приверженцы «староверия» представляют невежественную часть общества, он называет их «простачками». Петр осуждает старообрядцев и даже проклинает («Таковии, колики обрящутся, да будут прокляти вси»), однако выступает против суровой расправы над ними.

Автор «Тетрадей» призывает гражданские власти и духовенство исправлять этих «простачков» «духом кротости», т.е. использовать по отношению к ним гуманные, просветительские методы воздействия. Об этом Артемьев писал на с. 50 «Тетрадей»: «О Боже, даждь кротчайший образ и нашим государем, архиереем о просточках нашего рода, капитонех, да духовни суще исправляют таковыя духом кротости или страхом спасающе, но от огня восхищающе» (л. 58 об.). Обращаясь непосредственно к патриарху Адриану, Артемьев молил его проявить милость к «капитонам», не допускать жестоких казней: «Сего ради причиняюся и за сицеподобных капитонов моля и мил ся дея Вашему архипастырству, да потщисиши сих от огня восхищати цареконстантиновски» (л. 59). Прося патриарха уподобиться римскому императору Константину Великому, который изменил положение ранее гонимых христиан, Артемьев выступает против жестокого преследования старообрядцев.

Приведенные высказывания Петра Артемьева свидетельствуют о том, что его конфликтные отношения с церковными властями не ограничивались собственными конфессиональными разногласиями. Он отзывался жесткой критикой на преследование и наказание ими и других «вероотступников». Здесь можно наблюдать реализацию ситуации «поэт и власть», о которой пишет Л.И. Сазонова применительно к судьбе Сильвестра Медведева [3, с. 59]. В случае с Петром Артемьевым – это было столкновение писателя и поэта с духовной властью, в адрес представителей которой он допускал резко негативные оценочные суждения. Такое поведение диакона указывает на его упорное стремление защитить свои религиозные взгляды, иметь возможность открытого их выражения⁴. При этом он, оправдываясь, подчеркивал, что обличал не Церковь, но отдельных ее пред-

ставителей: «Аще и хулник есмь, не на Церковь, но на Евфимия и на учителей моих и их соединомысленников» (л. 63).

По содержанию выписанных Евфимием Чудовским цитат можно судить о том, что «Тетради» Артемьева представляли собой сложное по своему жанровому составу сочинение, включавшее путевые записки, дневниковые заметки, элементы автобиографии. Так как «Тетради» были написаны Артемьевым через несколько лет после возвращения из Европы, фактически по сохранившимся в памяти воспоминаниям, можно наблюдать в них признаки мемуаров. Интересно, что противники диакона углядели сходство «Тетрадей» Петра Артемьева со «статейными списками». Вполне вероятно, что в сочинении большое место занимало описание его путешествия с Иоаннием Лихудом, возможно содержавшее рассказы о тех впечатлениях, которые произвели на путников новые места, незнакомая природа, причудливые обычаи и традиции, западноевропейская архитектура, искусство. О том, что «Тетради» могли включать такого рода тексты, свидетельствует другое сочинение, входящее в комплекс материалов по его делу, где также был частично использован текст Петра Артемьева. Имеется в виду еще одно сочинение сборника – «Выписка сия вкратце выписана из тетрадей, чтеных пред святейшим Адрианом патриархом и всем священным собором, бывшем в дому его архиерейском на Петра Артемиева, бывша диакона Новомещанскаго и отпадша от восточныя греческия православныя веры в латинскую западную отринненную унию»⁵. В сочинении находим критическое высказывание его автора о сходстве «Тетрадей» Петра Артемьева со «статейным списком». Как здесь утверждается, Артемьев вопреки повелению церковных иерархов написать свое вероисповедание с покаянием сочинил текст, похожий на «статейный список»: «Повелесе ему, Петру, написати своеручно исповедание с покаянием, а он, лукавнуя и прескакуя лисицоподобно, написа не исповедь и покаяние по чину, но аки статейный список...»⁶. Заключение автора приведенного текста о сходстве «Тетрадей» со «статейными списками», очевидно, не лишено было оснований. Как известно, жанр «статейного списка» отличало сочетание делового документа и нарратива. По всей вероятности, такого рода записки содержались в «Тетрадах» Петра Артемьева, что и послужило причиной обвинения его в нарушении канона «покаянного исповедания».

Через приводимых в «Выписи тетрадей...» отрывков из авторского текста Петра Артемьева частично воспроизводит картину его заграничного путе-

⁴ Артемьев сохранял верность католицизму, и будучи в ссылке, в холмогорской тюрьме, и во время заточения на Соловках. Лишь незадолго до смерти, по словам монастырского иеромонаха Боголепа, проклял свое «латинское заблуждение» и обратился к православной Церкви [5, с. 43].

⁵ БАН, П.1.В.11 (34.3.13). Л. 36–45 об.

⁶ Там же. Л. 43 об. – 44.

шествия с учителем Иоанникием Лихудом. Иногда Петр называет города и страны, через которые пролегал их маршрут: Оломунц (Ольмюц), Бреславль (Бреслау), «пограничный город цесарский» (город в Австрийской империи). Одна из цитат дает возможность узнать о том, что Артемьев стремился совершить путешествие в Рим, желал поклониться мощам апостолов Петра и Павла и увидеть римского папу: «Желал был аз и в Рим дойти и мощем верховника апостолска, Петра святого и Павла апостолов поклониться, а потом видети и наследника Петрова, отца отцем, вселенскаго папу» (л. 56 об.). По уцелевшим отрывкам текста нельзя понять, осуществил ли Артемьев свое намерение, хотя вполне мог это сделать: он провел около трех лет в Италии (учился в Венеции у иезуитов, побывал в Вене [5, с. 42]).

На фоне описываемых событий и странствий за пределами Московского государства и затем возвращения в Москву в «Тетрадах» последовательно разворачивается история постепенного перехода Петра Артемьева из православия в католичество. Судя по сохранившимся отрывкам его воспоминаний, этот путь был долгим и сложным. Поначалу при посещении католических храмов Артемьев испытывал сомнения: «Хождах к латином в церковь и моляхся аз еще под сомнением тогда...» (л. 55 об.). О своих опасениях он писал и в другом месте: «Аз, шед в римскую церковь, причастихся. И взят мя велие сомнение...». Однако на этот раз Петр объяснил причину своих колебаний происками дьявола: «но познах чрез тамошняя снискания, яко от диавола ми сие» (л. 57–57 об.). Последняя фраза Артемьева дает понять, что к такому заключению он пришел не без подсказки своих наставников-иезуитов. Очевидно, это давление было постоянным.

Сохранился описанный в «Тетрадах» эпизод, который объясняет, каким образом удалось убедить Артемьева в правильности его конфессионального выбора. Решающую роль в этом сыграла беседа Петра с одним из учителей. На заданный им наставнику вопрос «Повеждь ми, лучши ли чим римская церковь ваша над греческою?» тот ответил: «Римская и греческая церковь едина есть, и никакая над кую лучшествоует, токмо разве у нас люди ученнейшии». Сам Артемьев подвел итог беседы такими словами: «Чесому и аз рекох: “Аминь”» (л. 57–57 об.). Так учителю удалось разрешить сомнения Артемьева. Для Петра Артемьева с его интересом к наукам, «совершенным» знаниям (о чем свидетельствует предпринятая им поездка в Европу) аргумент о более высокой образованности католического священства по сравнению с духовенством православной Церкви имел определяющее значение.

Следует обратить внимание на один из важных по своему содержанию фрагментов «Тетрадей», где

Артемьев, вспоминая эпизод встречи с неким монастырским казначеем (который предлагал ему деньги), сообщает о том, что его переход в Римскую церковь был бескорыстным и искренним, он не был обусловлен какими-то меркантильными соображениями. Он писал: «Идох к причастию. По причащении же вопроси мя (духовник): “В киих-де ты потребах недостаточествуеш? Аз-де казначей монастырский и могу тебе что даровати”. Отрекохся, да не ради дара будет мое с ними соединение» (л. 57 об.).

Во многих высказываниях Петра Артемьева присутствует исповедальное начало, можно проследить элементы психологического самоанализа, увидеть индивидуальные черты его характера. Например, когда он вспоминает в «Тетрадах» о своем послании («грамотках») отцу⁷, в котором эмоционально и предельно открыто рассказывал о собственных злоключениях и тяжелом настроении в преддверии обещанного патриархом церковного собора по его делу, а также говорит о том, как был разгневан его письмом отец, приехавший из Суздаля в Москву: «Мой родный, приехав к Москве, про ту писулку чуть не дал мне заушины». После этих признаний Артемьев с горечью задает риторический вопрос: «Что мне делать, коли таков я?» (л. 66 об.).

В конце «Тетрадей» Петр Артемьев, как будто покоряясь воле патриарха Адриана, обратился к нему с такими словами: «Прочее со всеми сими моими деянии повергаюся Вашему архипастырству во врачевание сынопокорне, вся пишуц своею рукою» (л. 70 об. – 71).

Завершая критический анализ «Тетрадей» Петра Артемьева, бескомпромиссный борец с влиянием западных конфессий – Евфимий Чудовский, не увидевший искреннего покаяния и стремления отступившего от восточного благочестия диакона возвратиться в лоно православной Церкви, сделал следующее заключение. Привожу с сокращениями: «Во всем своем сем отступническом писании от начала даже до конца толика содевая беззаконна дела, и толика отрыгая униатоотступническая мудрования и показания, нигде рек или согрешити или о согрешеных им покаяние принести, но токмо вся в поругании и в гордости, и в лаянии, пришед, на восточную Церковь, в ней же родися, воспитася... Горе тебе, горе, сыне иудоподражателный и рабе похищеноразвратителный, лицемерному твоему отступническому сыновству, и верному твоему мерзкому рабству конец, погибель грядет, от чего да избавит тя Господь, аще не ариоподражательно покаешися» (л. 71–71 об.).

⁷ Речь идет о послании Петра отцу в Суздаль, которое было написано им в апреле 1698 г., во время Великого поста, незадолго до того, как он был помещен в Новоспаский монастырь. Исследование и публикацию текста см.: [10, с. 166–186].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание последовательно цитируемых в «Выписи тетрадей...» Евфимия Чудовского фрагментов «Тетрадей» Петра Артемьева дает возможность составить некоторое представление о сочинении, которое даже в виде небольшого набора уцелевших отрывков являет собой интересное по форме и смысловому наполнению литературное произведение конца XVII в. Для цели настоящей статьи – это важный источник биографических сведений о писателе. В сочинении описан небольшой, но значимый по своему содержанию отрезок жизни Артемьева, когда произошли события, в корне изменившие его дальнейшую судьбу. Артемьеву явно было недостаточно тех знаний, которые он получил в Московской Славяно-греко-латинской академии. Его стремление к «совершенному» знанию, наукам (философии и богословию) явилось мотивом путешествия в Европу, где в ходе обучения у иезуитов и общения с ними он сменил вероисповедание. Петр Артемьев открыто рассказал об этом в «Тетрадах», несмотря на грозивший ему церковный суд. Тем самым он отстаивал личное право на возможность иметь собственные религиозные взгляды и убеждения. Из отрывочных воспоминаний и откровенных признаний писателя можно сделать выводы о его отношении к практике наказаний тех, кто не согласен с позицией официальной Церкви (в частности, старообрядцев), которая отличалась жестокостью и которую он резко осуждал. В целом изучение сохранившихся цитат (в полном их объеме) из «Тетрадей» Петра Артемьева позволило открыть дополнительные штрихи к его биографии, собрать воедино круг сведений, уточняющих известные ранее знания о писателе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.
2. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 277 с.
3. Сазонова Л. И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006. 894 с.

4. Панич Т. В. Комплекс рукописных материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского (текстологические наблюдения) // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 30–53.

5. Панич Т. В. «Написание к советникам» Афанасия Холмогорского: Материалы к биографии Петра Артемьева // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1999. № 2. С. 40–43.

6. Каган М. Д. Петр Артемьев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3. С. 32–34.

7. Панич Т. В. Артемьев Петр // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 467–468.

8. Буланин Д. М. Петр Артемьев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Дополнения. С. 766–767.

9. Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии // Православное обозрение. М., 1863. Т. X. С. 246–270.

10. Панич Т. В. Послание Петра Артемьева отцу в Суздаль // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 166–186.

REFERENCES

1. Repina L.P. History at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practices. Moscow, 2011, 559 p. (In Russ.)
2. Panchenko A.M. Russian poetic culture of the XVII century. Leningrad, 1973, 278 p. (In Russ.)
3. Sazonova L.I. Literary culture in Russia: early modern times. Moscow, 2006, 894 p. (In Russ.)
4. Panich T.V. A complex of manuscripts connected to the cases of Peter Artem'yev and Grigoriy Skibinskiy (textological observations). *Obshchestvennoye soznaniye i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya*. Novosibirsk, 2008, pp. 30–53. (In Russ.)
5. Panich T.V. «A letter to the advisers» by Afanasius Kholmogorsky: materials for Pyotr Artemyev's biography. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 1999, no. 2, pp. 40–43. (In Russ.)
6. Kagan M.D. Pyotr Artemyev. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg. 1998, iss. 3, pt. 3, pp. 32–34. (In Russ.)
7. Panich T.V. Artemyev Pyotr. *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2001, vol. 3, pp. 467–468. (In Russ.)
8. Bulanin D.M. Pyotr Artemyev. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg. 2004, iss. 3, pt. 4, pp. 766–767. (In Russ.)
9. Nikolskiy M. Russians coming from foreign schools in the XVII century. Pyotr Artemyev. *Pravoslavnoye obozreniye*. Moscow, 1863, vol. 10, pp. 246–270. (In Russ.)
10. Panich T.V. A letter by Pyotr Artem'yev to his father in Suzdal. *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novyye teksty, novyye interpretatsii*. Novosibirsk, 2007, pp. 166–186. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2021

Дата рецензирования 08.05.2021

Статья принята к публикации 03.06.2021